

"Малыш, раскройся ещё немного..."

Невнятный голос Чжоу Цзыфэя глухо доносился из-под одеяла.

Дыхание Шэнь Цзя сбилось, грудь мелко вздымалась, щёки пылали румянцем. Он молча делал так, как просил Чжоу Цзыфэй.

Вздувшееся одеяло шевельнулось, а затем разгладилось спереди назад — Чжоу Цзыфэй склонился ниже.

"А-а..."

Шэнь Цзя тут же выгнул поясницу, невольно подавшись вверх; ладонь легла на голову Чжоу Цзыфэя поверх одеяла.

Очень скоро Шэнь Цзя почувствовал себя всадником на необъезженном скакуне: тряска не давала ему сделать ничего, кроме как вцепиться в одеяло. В стремительной скачке зазвенел свист ветра, пальцы сжали "поводья", требуя, чтобы буйный зверь замедлил ход.

Но уже через мгновение выражение его лица переменялось — в глазах блеснули слёзы, алые губы приоткрылись, и он, точно рыба, выброшенная на берег, судорожно хватал ртом воздух.

Впрочем, рыболов оказался куда добрее, чем можно было представить: он тут же зачерпнул пригоршню чистой воды и плеснул на пересохшую чешую.

И вот снова — рыба в родной стихии, цветок под весенним солнцем. Осенний полдень постепенно наполнялся душным, влажным жаром лета.

Жарко. Душно.

Сознание то опускалось, то вновь всплывало — сначала будто паря в облаках, потом падая на землю, — и Шэнь Цзя постепенно отпустил себя.

...

...

Сколько прошло времени, он не знал, но всё наконец закончилось.

"Малыш, подожди, не засыпай. Дай я тебя оботру, переоденем во что-нибудь чистое — и спи, хорошо?"

Заметив, как у Шэнь Цзя устало опускаются веки, Чжоу Цзыфэй поспешно ущипнул мягкую щёку лежащего в его объятиях, не желая, чтобы тот засыпал во влажной одежде.

Несколько дней назад они позволили себе близость в переулке, и в тот же вечер Шэнь Цзя начал чихать.

Изначально после поцелуя им следовало сразу вернуться домой, но Шэнь Цзя так разомлел от поцелуев и прикосновений к животу, что не захотел уходить и продолжал лгнуть к Чжоу Цзыфэю.

"Братик... ещё потрогай... ещё поцелуй хочу..."

Чжоу Цзыфэй, опасаясь, что тот простудится, поначалу пытался уговорить его вернуться домой, но Шэнь Цзя решил, будто продолжение поцелуев и ласк возможно, только если он назовёт его "братиком".

Из-за этого недоразумения Шэнь Цзя весь тот вечер то и дело тихо звал Чжоу Цзыфэя братиком, слабеющими пальцами притягивая его руку к себе. После нескольких таких призывов у него самого запыхали щёки, взгляд затуманился, и откуда-то из самых костей начала сочиться жажда.

А Чжоу Цзыфэй, увидев, как человек в его объятиях смотрит влажными глазами и трётся о его грудь, точно весенний уличный кот, тоже потерял ясность мысли: прижал его к стене, снял пальто, накинул на Шэнь Цзя и, опустившись на колени, скрылся под ним.

К счастью, в сумерках, да ещё в глухом переулке, никто так и не заметил, чем они там занимались, пока всё не закончилось.

Вернувшись домой, Шэнь Цзя постепенно пришёл в себя и, устыдившись, в тот же вечер выгнал Чжоу Цзыфэя спать в гостевую комнату.

Когда наутро Чжоу Цзыфэй, приготовив завтрак, постучал в дверь, то увидел покрасневшие щёки и пересохшие губы открывшего ему Шэнь Цзя — и только тогда понял: вчера, как ни приятно было обоим, Шэнь Цзя всё же заболел.

Осенью грипп ходил вовсю, и Шэнь Цзя, опасаясь заразить детей в саду — у малышей и без того слабый иммунитет, а болеют они куда тяжелее взрослых, — взял отгул, решив выйти на работу только после полного выздоровления.

"Больше никаких таких вольностей — не буду тебя больше баловать."

Чжоу Цзыфэй насухо обтёр вспотевшее тело Шэнь Цзя, передел его в удобную хлопковую пижаму и только потом уложил на уже расправленную постель.

В его голосе слышались серьёзность и лёгкий укор самому себе: он с болью смотрел, как румянец, ещё недавно окрашивавший лицо Шэнь Цзя во время близости, снова сменился болезненной бледностью.

Шэнь Цзя сидел у изголовья кровати, маленькими глотками пил горячую воду. Услышав эти слова, он хрипло произнёс, опустив голову:

"Это я... сам захотел. Тебе не в чем себя винить."

«Это я так сильно хотел»

Эти слова Шэнь Цзя проглотил, не договорив, — как ни послушай, звучало так, будто он особенно... особенно жаждущий мужского внимания человек...

Кончики ушей, скрытые чёрными прядями, у Шэнь Цзя загорелись.

Но в последние дни всё и правда было именно так. Он сам не понимал почему, но в последнее время его непреодолимо тянуло быть рядом с Чжоу Цзыфэем: стоило тому оказаться поблизости, как внутри разливались покой и полнота.

Это чувство особенно тянуло его к близости — той, что без единого зазора, когда тела прижаты друг к другу полностью. Без неё даже просто держаться за руку Чжоу Цзыфэя или перебирать его волосы казалось необходимым, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Шэнь Цзя не знал, заметил ли это Чжоу Цзыфэй, но перемена, начавшаяся неделю назад, к сегодняшнему дню превратилась в то, что каждые несколько часов ему требовалось, чтобы Чжоу Цзыфэй целовал и касался его тела.

Слишком сильное желание, слишком частая близость — теперь Шэнь Цзя достаточно было одного взгляда на Чжоу Цзыфэя, чтобы тело откликнулось: грудь начинала зудеть, а слюна выделялась сама собой.

Сегодняшняя дневная близость случилась из-за того, что они сидели на балконе, грелись на солнце, а когда Шэнь Цзя попытался встать, его бедро случайно коснулось руки Чжоу Цзыфэя.

Тогда Чжоу Цзыфэй поднял взгляд, Шэнь Цзя посмотрел в ответ — и без единого слова оказался на руках у Чжоу Цзыфэя, который тут же понёс его в спальню.

"Учитель Шэнь, когда проснёшься, не хотите прогуляться?"

Чжоу Цзыфэй забрал у Шэнь Цзя стакан, осторожно спросил.

На самом деле Шэнь Цзя давно уже почти выздоровел, но последние несколько дней, стоило Чжоу Цзыфэю позвать его хоть немного пройтись — пусть даже просто посидеть на солнце у подъезда, — Шэнь Цзя категорически отказывался.

"Не хочу..."

Шэнь Цзя снова потянулся к руке Чжоу Цзыфэя, желая, чтобы тот лёг с ним вместе спать после обеда.

Чжоу Цзыфэй мысленно вздохнул и послушно лёг рядом с ним.

"Тогда поспи дома, а я выйду по делам, заодно куплю тебе леденцов от горла. Скоро вернусь, хорошо?"

Он тихо произнёс это, обнял рукой прижавшегося к нему человека и принялся легонько похлопывать его по спине.

Шэнь Цзя, прежде шутившийся и трущийся о грудь Чжоу Цзыфэя, вдыхая его запах, тут же замер, услышав эти слова.

Он не хотел, чтобы Чжоу Цзыфэй уходил. Совсем.

В тот день, когда у него поднялась высокая температура и Чжоу Цзыфэй повёз его в больницу, они увидели в кабинете жаропонижающей терапии одну пару.

"Заболел — сам бы и пришёл. Зачем непременно ждать, пока я освобожусь с работы, чтобы я тебя сопровождал в больницу?"

"Один я не могу! Ты что, не можешь побыть рядом со мной хоть немного?"

Парень вдруг заорал на девушку:

"Ты взрослый человек и даже сам за собой ухаживать не способен?! Тебе во всём нужно меня рядом иметь, а у меня, по-твоему, своих дел нет?!"

В тот момент Шэнь Цзя, прижатый к плечу Чжоу Цзыфэя, наблюдал эту сцену, и внутри у него вдруг зародился неуместный, беспричинный страх.

Высокая температура выжгла его защитную стену рассудка, и в голову, словно ядовитая змея, вползла холодная мысль:

«Эта несчастная пара — вовсе не исключение. Быть может, это и есть та уродливая правда, к которой неизбежно приходит любая любовь»

«Так сколько же продержится на этом неминуемом пути та нежность, которой сейчас окружает его Чжоу Цзыфэй?»

Девушка из той пары тоже начала кричать в ответ; в коридоре больницы разгорелась ожесточённая перепалка, они бросали друг другу в лицо самые злые слова, пока медсестра не вышла и не разняла их.

"Мерзавец! Не надо было мне вообще с тобой сходиться!"

"Ну так разойдёмся! Я и так уже сыт по горло твоими принцессиными капризами, когда все вокруг тебя должны нянчиться!"

Их растащили в стороны, но они всё равно продолжали, багровые от злости, брызжа слюной, выкрикивать друг другу оскорбления.

Лицо Шэнь Цзя становилось всё бледнее, тело мелко дрожало — даже в объятиях Чжоу Цзыфэя ему было холодно.

"Я... я не хочу к врачу. Пойдём домой?"

"Пойдём домой, ладно?"

Шэнь Цзя крепко вцепился в руку Чжоу Цзыфэя, оставив на ней красные царапины ногтями, сам того не замечая.

Он смотрел только на своего возлюбленного рядом, глаза его покраснели по краям, во взгляде читалась мольба.

"Что случилось, малыш? Мы уже почти подошли, потерпи ещё немного — скоро всё пройдёт, и станет легче."

Всё внимание Чжоу Цзыфэя было приковано к Шэнь Цзя: он то трогал его лоб, то прижимал крепче к себе, совершенно не обращая внимания на ссорящуюся пару.

"Я хочу домой. Отвези меня домой, побудем вместе дома..."

В размытом поле зрения, сквозь режущий слух крик, Шэнь Цзя в ужасе обнаружил, что истеричный женский голос будто звучит из его собственного горла, а у того искажённого злобой мужчины — глаза Чжоу Цзыфэя.

Оба они смотрели с одинаковым отвращением и нетерпением — сквозь того, кого сейчас терпеливо успокаивал Чжоу Цзыфэй, — прямо в то будущее, где им суждено возненавидеть друг друга.

Шэнь Цзя едва не выкрикнул отчаянное "нет", уткнулся лицом в грудь Чжоу Цзыфэя, тело затряслось, — он пытался расслабиться в знакомом запахе, не переставая умолять отвезти его домой.

...

Он не может потерять Чжоу Цзыфэя. Не может допустить, чтобы они пришли к такому же концу.

Чжоу Цзыфэй — единственное бревно, за которое он мог удержаться посреди бушующего моря чувств. Только пока Чжоу Цзыфэй рядом, он способен быть счастливым.

«Как сделать так, чтобы это счастье осталось надолго, устойчиво, не колеблясь?»

Когда уходила Лу Хэ, он был ещё ребёнком и не мог этому помешать. Когда изменял Юй Сянхан, он боялся потерять его защиту и предпочёл терпеть.

Но Чжоу Цзыфэй — другой. Чжоу Цзыфэй любит его. По крайней мере, сейчас — любит по-настоящему.

«Именно поэтому — если я не отпущу Чжоу Цзыфэя, он не уйдёт»

Эта мысль была подобна злему заклятию: она приносила мимолётное успокоение, но одновременно заставляла Шэнь Цзя ненавидеть себя за это эгоистичное желание контроля.

Он прекрасно понимал: так он будет только отталкивать любимого всё дальше и дальше. Но это было единственное, что он мог хоть как-то "контролировать" — на фоне всех тех травм из прошлого, над которыми у него никогда не было власти.

Погружённый в воспоминания, Шэнь Цзя долго молчал, пока лёгкое прикосновение Чжоу Цзыфэя к щеке не вернуло его резко в реальность.

"Может, не будешь никуда уходить?"

Шэнь Цзя обвил руками талию Чжоу Цзыфэй и, как обычно, спросил мягким, вкрадчивым голосом.

Чжоу Цзыфэй помедлил. Он ничего не ответил, лишь провёл ладонью по волосам Шэнь Цзя, затем опустил руку ниже, приподнял его мягкое лицо за подбородок и посмотрел прямо в глаза.

"Малыш, что тебя тревожит все эти дни?"

Он вовсе не был слеп к странностям в поведении Шэнь Цзя.

От непрестанной жажды близости до отказа отпускать его хотя бы ненадолго — Чжоу Цзыфэй понимал: у Шэнь Цзя на душе что-то есть, но, щадя его чувства, до сих пор делал вид, будто ничего не замечает.

Сперва Чжоу Цзыфэй решил, что дурное настроение возникло после разговора с Лу Хэ, а вместе с болезнью Шэнь Цзя просто захотелось, чтобы кто-то был рядом.

Но и сегодня Шэнь Цзя всё так же не отпускал его ни на шаг из дома, и Чжоу Цзыфэй, наконец, решил заговорить об этом прямо.

Услышав вопрос, Шэнь Цзя отвернулся и тихо ответил:

"Ничего..."

Но непрестанно дрожащие ресницы выдавали его истинные мысли с головой.

"Что всё-таки случилось? Расскажи мне, я всё смогу решить."

Чжоу Цзыфэй повторил вопрос настойчивее, пытаясь не дать Шэнь Цзя отвести взгляд.

Тот не хотел отвечать и вместо этого прижался ещё теснее, приподняв подбородок, — попыткой поцелуя пытаясь увести разговор в сторону.

"Сначала не будем целоваться. Скажи мне, почему в последние дни ты не хочешь, чтобы я выходил из дома."

Чжоу Цзыфэй удержал подбородок Шэнь Цзя, уклонившись от готового опуститься на его губы поцелуя, — и вдруг увидел, как глаза того мгновенно налились краснотой.

"Почему не поцелуешь?"

"Зачем тебе вообще выходить?"

"Я же ещё болею — неужели трудно побыть со мной подольше?"

Мягкие волосы рассыпались по лбу Шэнь Цзя — он их давно не стриг, и теперь они отросли до такой длины, что струились по светлой простыне, точно самый прекрасный чёрный шёлк.

В сочетании с изящными, почти женственными чертами лица и печально опущенными уголками смеющихся глаз он до странности напоминал молодую жену, обиженную на мужа за то, что тот не проводит с ней время.

Глядя на такую картину, разве мог Чжоу Цзыфэй не смягчиться? Он склонился и нежно, будто жалея, поцеловал кончик носа Шэнь Цзя.

"Вот, поцеловал. А теперь расскажи мне, что с тобой на самом деле творится, хорошо?"

"Этого мало..."

Шэнь Цзя перевернулся и сел верхом на крепкую поясицу Чжоу Цзыфэя, ладонями упёршись в тёплые, налитые силой мышцы, потянул вниз ворот его одежды и медленно склонился.

"Поцелуй ещё вот сюда..."

Щёки его вновь вспыхнули румянцем, в глазах разлилась влага, а концы длинных волос упали на шею Чжоу Цзыфэя, вызвав лёгкое щекочущее ощущение.

Перед глазами Чжоу Цзыфэя раскинулось поле розового и белого, и посреди него особенно манили две алые точки.

Лёгкий аромат стирального порошка, исходивший от Шэнь Цзя, вкупе с надвигающейся белизной заставили Чжоу Цзыфэя в некотором смятении отвернуть голову.

Его пылающая ладонь легла на плечо Шэнь Цзя, останавливая приближение, и он с лёгким сопротивлением произнёс:

"Сейчас нельзя..."

От этого отказа лицо Шэнь Цзя мгновенно исказилось от обиды.

Это был первый раз, когда Шэнь Цзя настолько смело и открыто сам напрашивался на близость — и хотя это было лишь попыткой отвлечь внимание Чжоу Цзыфэя, ему всё равно

было невыносимо стыдно.

И в то же время где-то в глубине души он тайно на что-то надеялся.

«Понравится ли это Чжоу Цзыфэю? Понравится ли ему, если я поцелую его вот так, сидя на нём сверху?»

Но Чжоу Цзыфэй сказал "нельзя".

От этих слов внутри у Шэнь Цзя разлилось ещё больше зуда и пустоты. Он торопливо потянул ворот ещё ниже, придвигаясь лицом к лицу Чжоу Цзыфэя.

"Почему? Почему нельзя?"

"Ты не хочешь? Тебе больше не хочется быть со мной близко?"

С каждым словом на глаза Шэнь Цзя наворачивались слёзы; он думал, что плачет тайком, но холодные влажные капли одна за другой падали на подушку за головой Чжоу Цзыфэя, растекаясь пятнами у самой его щеки.

"Это потому что... потому что я перестал быть привлекательным? Тебе со мной скучно?"

"Может, я недостаточно хорош в постели, поэтому ты... а-а!"

Сдавленные всхлипы Шэнь Цзя вдруг сорвались в надрывный, оборвавшийся крик — всё его тело качнулось и рухнуло прямо на лицо Чжоу Цзыфэя.

Тот крепко обхватил талию Шэнь Цзя, мышцы рук напряглись так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены.

Горячее, влажное, тяжёлое дыхание опалило грудь Шэнь Цзя; он ощутил резкий укус и невольно ахнул от боли.

Раздался громкий стук — в глазах у Шэнь Цзя потемнело, и он оказался лежащим на спине, а Чжоу Цзыфэй навис над ним, упираясь руками по обе стороны от его головы.

"Не привлекательный?"

"Скучно со мной?"

"Недостаточно хорош в постели?"

Чжоу Цзыфэй повторил эти слова с непонятной интонацией и коротко, холодно усмехнулся.

За окном откуда ни возьмись наползла плотная туча, и прежде светлая комната вмиг потемнела.

Резкие черты Чжоу Цзыфэя нависли над ним мрачной тенью — казалось, он сдерживает какое-то бурное чувство, — и от этого Шэнь Цзя невольно, с запозданием вздрогнул.

"Малыш, ты хоть знаешь, что каждый раз, когда я тебя целую, мне хочется проглотить тебя целиком?"

Тень от нависшего над ним человека заслонила Шэнь Цзя весь обзор; ему смутно почудился звук, будто зверь скрежещет зубами, а в следующее мгновение сверху вновь донёлся хриплый, низкий голос:

"Учитель Шэнь, раз уж вы предпочитаете сначала дело, а потом разговоры — готовьтесь как следует потрудиться."

Шнурок на пижамных штанах Шэнь Цзя развязался, а следом в тихой комнате раздался отчётливый металлический звук расстёгиваемой молнии.

Одной рукой Чжоу Цзыфэй перехватил лодыжку Шэнь Цзя и рывком притянул его к себе, вырвав у того невольный вскрик.

Грох —

За окном полыхнул грозовой раскат, и вспышка молнии на миг осветила суровый профиль Чжоу Цзыфэя: взгляд его был бездонно тёмным, а где-то в самой глубине разгорался тревожный, обжигающий огонь.

Шэнь Цзя так и застыл, глядя на него; сердце заколотилось бешено, всё тело обдало жаром, по коже покатился пот.

Чжоу Цзыфэй, стоя на коленях на кровати, встретился с ним взглядом и неспешно наклонил голову, коснувшись губами белой ступни, лежавшей у его плеча.

"Сокровище моё, в этот раз держись покрепче."

<http://bllate.org/book/19971/1985988>